

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 1:3

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-12-29

**ПОСТИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТОР
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ****Р.Х. КОЧЕСОКОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: robertkochesokov@yandex.ru*

Аннотация. В статье подчеркивается, что, несмотря на практически единодушное неприятие всеми профессиональными историками парадигмы постистории, она имплицитно присутствует в большинстве исследований в области исторической науки и оказывает на них существенное влияние. Во-первых, имплицитный отказ историков проецировать свои исследования в будущее фактически соответствует установкам концепции конца истории. Во-вторых, выход на первый план микро-истории и фактический отказ от макро-истории служит подтверждением постмодернистского положения о фрагментации исторической реальности. Проникновение постисторических установок в историческую науку объясняется рядом причин. Прежде всего, в силу несколько прямолинейного противопоставления научного познания другим видам познавательной деятельности, что имело место в прошлом. «Реабилитация» других видов познавательной деятельности и накопление трудноразрешимых проблем в рамках самой исторической науки зачастую приводят к ложному выводу об отказе истории в статусе науки. Некоторые историки видят выход в признании истории как особого вида познавательной деятельности. Кроме того, в процессе развития науки исследования в отдельных областях науки неизбежно фрагментируются, что приводит к их отрыву от парадигмальных оснований науки. В результате постепенно ослабляется сознание значимости парадигмальных оснований в научном исследовании, необходимости их развития или же создания новых. В статье подчеркивается, что историки, с одной стороны, не отказываются от господствующей парадигмы, но, с другой стороны, не уделяют должного внимания ее развитию. Автор доказывает, что развитию исторической науки отвечает совершенствование линейной парадигмы истории на основе достижений современной исторической науки.

Ключевые слова: постистория; конец истории; философия истории; исторический процесс; постмодернизм; историческая наука.

**POST-HISTORICAL FACTOR
IN CONTEMPORARY HISTORICAL SCIENCE****R.Kh. KOCHESOKOV**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: robertkochesokov@yandex.ru*

Abstract. The article emphasizes that, despite the almost unanimous rejection by the professional historians of the post-history paradigm, it implicitly appears in most of the studies in the field of historical science and has a significant impact on them. First, the implicit refusal of historians to project their research into the future corresponds to the theory of the end of history. Secondly, coming of micro-history to the forefront and the actual rejection of the macro-history serves as confirmation of the postmodernist proposition of fragmentation of historical reality. The penetration of post-historical attitudes into historical science is due to a number of reasons. First of all, it is a result of the straightforward opposition of scientific knowledge to other types of cognitive activity, as it was the case in the past. «Rehabilitation» of other types of cognitive activity and the accumulation of difficult problems within the framework of historical science itself often lead to a false conclusion about the rejection of history in the status of science. Some historians see a way out in the recognition of history as a special kind of cognitive activity. In addition, in the development of science, research in certain areas of science is inevitably fragmented, which leads to their separation from the paradigmatic foundations of science. As a result, the consciousness of the importance of paradigmatic bases of scientific research and the necessity of their development or the creation of new ones is gradually weakened. The article emphasizes that historians, on the one hand, do not reject the dominant paradigm, but, on the other hand, do not pay enough attention to its development. The author proves that it is the improvement of the linear paradigm of history on the basis of the achievements of contemporary historical science that corresponds to the development of the historical science.

Key words: post-history; the end of history; philosophy of history; historical process; postmodernism; historical science.

Введение

В современной научной литературе понятие «постистория» используется в двух основных значениях. В парадигме конца истории оно используется для обозначения конечной стадии исторического развития человечества; здесь оно выступает как синоним понятия «конец истории». В частности, именно так оно понимается в известной концепции Ф. Фукуямы [Фукуяма 1990: 39-54]. В постмодернистской же парадигме понятие «постистория» обозначает особую разновидность «прочтения» исторической реальности; отказ от «истории» как «большого рассказа», метанарратива, интерпретирующего некий единый исторический процесс [Лиотар 1994]. На первый взгляд, эти трактовки исключают друг друга, однако в действительности они зачастую накладываются друг на друга и формируют особое видение исторического процесса.

Восприятие идеи постистории в современном научном сообществе весьма парадоксальное. С одной стороны, практически все профессиональные исследователи безоговорочно отвергают ее, но, с другой стороны, ее проявления в социально-гуманитарных науках заметны невооруженным глазом.

Особо хочется обратить внимание на характер критики парадигм конца истории и постмодернизма. Ей посвящено безбрежное море работ. Но вот что странно. Предельно упрощенно выражаясь, эти парадигмы говорят: вот к чему мы пришли. Критики единодушно отвергают их выводы, но при этом либо не предлагают своей интерпретации того, к чему именно мы пришли, либо

рассуждают на эту тему чрезвычайно невнятно, либо даже косвенно подтверждают правоту оппонентов.

Я не хочу тем самым сказать, что я разделяю постисторическую парадигму. Напротив, я тоже отношусь к ее оппонентам. Однако следует признать, что она играет чрезвычайно полезную роль, фокусируя внимание на самых слабых теоретико-методологических сторонах современной науки. Ученый не может просто так отвергать критику или закрывать глаза на нее. Он должен четко сформулировать и отстаивать свою точку зрения.

Здесь я хотел бы пояснить, почему я, не будучи историком, вторгаюсь в «чужую» территорию. Дело в том, что парадигмы «конца истории» и особенно постмодернизма подвергают сомнению (или даже отрицают) не частности в той или иной науке, в том числе исторической, а парадигмальные основания самой современной науки. А это уже выходит на философию.

В данной статье я преследую следующие цели. Во-первых, показать, что многие положения парадигм конца истории и постмодернизма правомерны. Более того, в ходе своего развития историческая наука во многом пришла к тому состоянию, о котором говорят приверженцы этих парадигм. Во-вторых, попытаться объяснить причины проникновения идей постисторизма в историческую науку. Если мы сможем понять эти причины, тем самым мы найдем и пути выхода из сложившейся ситуации.

Концепт «постистория» в парадигме конца истории

В парадигме конца истории утверждается, что содержанием исторического процесса является поиск оптимальной формы социального устройства. Исторический процесс завершается тогда, когда появляется и становится общепризнанной идеология, выдвигающая оптимальную форму социального устройства. Борьба идеологий последних столетий завершилась, так как такая идеология появилась, и у нее нет реальных альтернатив. Поэтому, констатирует Ф. Фукуяма, мы наблюдаем «конец истории как таковой, т.е. конечный пункт идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы управления человеческим обществом» [Фукуяма 1990: 40]. Правда, оговаривается он, «победа либерализма произошла главным образом в сфере идей и еще не завершилась в реальном, материальном мире» [Фукуяма 1994: 40]. Но это не принципиально, так как «в конце истории вовсе не обязательно, чтобы все страны пришли к процветающему либеральному обществу, достаточно того, чтобы они оставили свои идеологические претензии, будто являют собой другие, более высокие формы человеческого общества» [Фукуяма 1994: 49].

Я не ставлю целью рассмотреть все направления влияния парадигмы конца истории на историческую науку, хочу остановиться на некоторых, на мой взгляд, наиболее важных в теоретико-методологическом и мировоззренческом (аксиологическом) измерениях.

(1) Формально концепция «конца истории» не противоречит линейной парадигме философии истории. Более того, все линейные концепции

философии истории (Гегеля, Маркса, Ясперса и др.) непременно подразумевают возможность конца исторического процесса. Однако парадигма конца истории в интерпретации Фукуямы на самом деле подрывает основания линейной философии истории.

В линейной парадигме структура социально-исторического времени выглядит следующим образом: прошлое – настоящее – будущее. Причем точкой отсчета является «настоящее», а идея конца истории (будущее) выполняет *вспомогательные* функции, выступая в качестве некоего ориентира. Идея будущего может играть познавательную роль для изучения прошлого в силу двух обстоятельств. С одной стороны, в науке будущее выступает не как пророчество или интуитивное прозрение, а как рациональная конструкция, научная гипотеза. С другой, представление о нем не детализируется – будущее, как правило, описывается в весьма аморфной форме. Это правильно с научной точки зрения, поскольку будущее представляет собой некоторый предполагаемый результат, который исследователь хочет получить, связав прошлое и настоящее. Поскольку ученый может *научно* исследовать только прошлое и настоящее и поскольку наши знания о прошлом и настоящем постоянно пополняются, уточняются, корректируются, постольку подробно расписанное будущее также пришлось бы постоянно переписывать. Но рациональный и вместе с тем аморфный концепт будущего превращает «прошлое» в «историю», является необходимым элементом процедур оценки истинности исторического исследования.

В парадигме «конца истории» трехчленная структура социально-исторического времени разрушается. Если «будущее» исчезает, так как оно стало «настоящим», то структура времени сокращается до «двухчленки»: прошлое – настоящее. Точкой отсчета вроде бы остается «настоящее», однако «настоящее», не проецируемое в «будущее», перестает быть «настоящим», по сути совпадает с будущим. И это порождает ряд серьезных методологических вопросов.

Во-первых, если уже нет будущего, то настоящее лишается одного из своих логических критериев истинности. Цепь времени «прошлое–настоящее», состоящая только из двух звеньев, создает иллюзию очевидности и однозначности их связи. Говоря языком математики, прямую линию можно провести между *любыми двумя* произвольно избранными точками. А вот провести ее между *тремя* точками – это задача, требующая решения, то есть исследования и теоретического обоснования.

Во-вторых, если нет будущего, то как доказать, что прошлое было. Это отнюдь не схоластический вопрос. Ведь прошлое и настоящее должны быть связаны между собой, мы должны суметь доказать, что настоящее произошло от прошлого, и суметь раскрыть механизм перехода. Более полное и строгое познание прошлого взаимоувязано с более полным и строгим познанием настоящего. Но это не однократный познавательный акт, а процесс, ведущий в будущее. Именно будущее, *по мере его становления*, служит показателем истинности установленных нами взаимосвязей между прошлым и настоящим.

В-третьих, идея конца истории формально вроде бы не противоречит линейной концепции истории. Но на самом деле она создает, выражаясь шахматным языком, методологический цугцванг. Если история есть развитие, то у развития не должно быть завершения, а если она завершилась, то на каком основании мы должны полагать, что раньше было развитие?

(2) В линейной парадигме идея конца истории (будущее) выступала как фактор, объединяющий, сплачивающий все народы (общества). В ней полагалось, что все народы и общества идут в будущее по разным, но сходящимся траекториям. Другими словами, она утверждала, что история творится всеми обществами (народами) сообща.

Зато в современной парадигме «конца истории» эта идея начинает играть деструктивную роль, выступая как фактор *разделения*, а не *объединения*. Дело в том, что эта парадигма делит общества (народы) на исторические и постисторические. Постисторическими являются общества (народы), в которых исторический процесс завершился. Иными словами, они нашли оптимальную форму социального устройства. Историческими являются общества (народы), в которых поиск еще не завершился, однако, в конечном итоге, им все же придется признать форму социального устройства, утвердившуюся в постисторических обществах. В этой парадигме имплицитно присутствует иерархизация обществ (народов). Следует подчеркнуть, что ее приверженцы прямо об этом не говорят, однако такие выводы логически вытекают из их рассуждений.

Здесь уместно обратить внимание на важный момент. В любой концепции линейной парадигмы иерархизация обществ (народов) непременно присутствует, однако это обстоятельство негативно не влияет на общественное сознание. Дело в том, что общества в этой парадигме равны в том отношении, что они в той или иной степени несовершенные. Им всем предстоит пройти еще очень большую историческую дистанцию. То что сейчас некоторые общества (народы) несколько вырвались вперед, а другие отстали, никого не принижает, так как до финиша очень далеко, и еще неизвестно, кто первым до него доберется.

В современной парадигме «конца истории» победители уже известны, и они с гордым видом смотрят на «побежденных», а иногда даже искренне готовы им помочь быстрее добраться до финиша. Такая ситуация не может не влиять на общественное сознание, в том числе и на историков. Нетрудно догадаться, что историки «исторических» обществ будут стремиться показать, что их общества отнюдь не такие уж и «ущербные». Конечно, профессиональные историки не будут прямо подчинять свою работу идеологическим и политико-пропагандистским целям, однако это обстоятельство неизбежно будет влиять (и влияет) на характер исследовательских задач, которые они ставят перед собой.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Идея «конца истории» в ее современной форме, во-первых, в принципе ставит под сомнение обоснованность линейной парадигмы истории как таковой, и, во-вторых,

оказывает существенное влияние на характер исследовательских задач, которые ставят перед собой историки.

Постистория в постмодернистской парадигме

В постмодернистской парадигме утверждается, что линейная концепция истории как универсального, направленного, прогрессивного движения человечества во времени суть продукт эпохи Модерна, и поскольку обстоятельства, породившие ее, ушли, постольку и она также закономерно уходит. Ж. Бодрийяр говорит: «Существовали общества, которые обходились без социального, как они обходились и без истории» [Бодрийяр 2000]. Он вопрошает: «В конце ли мы истории, вне истории или все еще в бесконечной истории?» [Бодрийяр 1998]. И отвечает вполне определенно: «Скажу еще раз, больше нет «конца истории», но лишь неспособность закончить историю. Мы потеряли историю вместе с ее концом. Достичь конца – самое дорогое, что может быть» [Бодрийяр 1998]. Мы не просто «преодолеваем» историю как изжившую себя форму сознания социального времени, мы начинаем вообще сомневаться в состоятельности любых форм сознания социального времени: «Фактически, каждый должен задаться вопросом, была ли вообще современность. Была ли когда-нибудь такая вещь как прогресс, как наступление свободы?» [Бодрийяр 1998].

Суть постмодернистского понимания постистории очень хорошо раскрывается в двух метафорах – «ризомы» и «листья без дерева». Рассмотрим их по порядку.

Чтобы показать разницу между прежним и постмодернистским видениями мира, Ж. Делез и Ф. Гваттари используют метафоры дерева (корня) и ризомы (первая глава второго тома их совместной работы «Капитализм и шизофрения» носит название «Ризома»). В преамбуле второго тома авторы подчеркивают: «Этот том составлен не из глав, а из "плато". (...) Эти плато могут быть в некоторой степени прочитаны независимо друг от друга, кроме "Заключения", которое должно быть прочитано в самом конце» [Делез, Гваттари 2010: 6]. Далее в главе «Ризома» они разъясняют: «Плато всегда посередине, ни в начале, ни в конце. Ризома состоит из плато. (...) Мы называем "плато" любую множественность, соединимую с другими [множественностями] поверхностными и подземными стеблями таким образом, чтобы образовывать и расширять ризому. Мы пишем эту книгу как ризому. Мы составили ее из плато. (...) Каждое плато может быть прочитано в любом месте и поставлено в соответствие любому другому [месту]» [Делез, Гваттари: 6-45]. По сути, в этих словах излагается сущность предлагаемого ими мировидения, методологии.

Авторы выделяют ряд принципиальных характеристик ризомы [Делез, Гваттари: 6-45]. Во-первых, дерево растет из «основного» корня, которого поддерживают «второстепенные» корни. Ризома же (фр. *rhizome* – корневище) – это, по определению авторов, «система-корешок» или «мочковатый корень», у которого «основной» корень по различным причинам не получил должного

роста, и его место занимает множество второстепенных корней, разрастающихся в полную силу. Во-вторых, дерево имеет упорядоченную и иерархическую структуру: корень, ствол, ветки, листва. Без корня не может быть ствола, а без ствола – веток и т.п. Причем эта структура не может кардинально измениться, например, корень не может стать веткой, а ветка – корнем. А ризома является нецентрированной и неиерархизированной системой без организующего центра. В ней, говорят Делёз и Гваттари, любая точка может и должна быть присоединена к любой другой ее точке. Следовательно, у нее нет устоявшейся структуры, она предстает как бесконечная смена на некоторое время сложившихся структур. В-третьих, дерево имеет направление роста, которое предсказуемо и не может кардинально измениться. Ризома не имеет ни начала, ни конца, но всегда есть точка, из которой она может расти далее. Иными словами, она может расти в любом направлении. Таким образом, дерево – образ централизованной системы, а ризома – децентрализованной (ацентрической) системы. «Хаосмос-корешок», по выражению авторов, приходит на смену «космосу-корню».

Из сказанного нетрудно вывести особенности постмодернистской философии истории. Мысль, говорят Делёз и Гваттари, не имеет формы дерева, она тоже должна разворачиваться по принципу ризомы. Во-первых, у истории нет ни начала, ни середины, ни конца. С любой точки (события) историю можно вести в любом направлении. Во-вторых, в истории нет «основной» линии, на которую можно «нанизывать» «второстепенные» события. В-третьих, любые события можно связывать с любыми другими событиями. Вывод: историю можно писать как угодно, ее можно «читать» как угодно.

Однако постмодернизм в данном случае впадает в противоречие с самим собой. С одной стороны, он утверждает, что: (1) история соответствует модернистскому обществу, постистория – постмодернистскому обществу, и (2) модернистское общество постепенно перерастает в постмодернистское. Но, с другой стороны, он отрицает наличие связи между историей и постисторией.

В этом плане более аргументированным представляется объяснение Ф. Анкерсмита, который различает три исторических типа историописания: эссенциалистский, истористский (модернистский) и постмодернистский [Анкерсмит 2003]. Сравнивая историю с деревом, он говорит: «Эссенциалистская традиция в рамках западного стиля историописания сосредоточила внимание историков на стволе дерева. Конечно, спекулятивные системы определили, если можно так выразиться, природу и форму ствола. Историзм и модернистское сциентистское историописание с их в основном достойным похвалы вниманием к тому, что фактически имело место в прошлом, и с их недостатком восприимчивости к априорным схемам, были расположены на ветках дерева. Однако с этой позиции их внимание оставалось сосредоточенным на стволе. Точно так же, как их спекулятивные предшественники, и истористы, и протагонисты так называемого научного историописания все еще питали надежду и претензии в конечном счете оказаться способными сказать что-либо о самом стволе. Существенны в этом контексте тесные связи между так называемой научной социальной историей и

марксизмом. Было ли оно сформулировано в онтологической, эпистемологической или методологической терминологии, историописание со времен историзма всегда стремилось к реконструкции эссенциалистской линии, пролегающей через прошлое или его части» [Анкерсмит 2003: 335].

Постмодернистское историописание, говорит он, разрывает с этой традицией: «Выбор больше не падает на ствол или на ветви, но на листья дерева. В рамках постмодернистского взгляда на историю, целью больше не является интеграция, синтез исторического и вся тотальность истории, но в центр внимания помещаются именно исторические ответвления» [Анкерсмит 2003: 335]. И далее: «Если мы так или иначе хотим твердо придерживаться эссенциализма, можно сказать, что сущность не расположена ни на ветвях, ни на стволе, но в листьях исторического дерева» [Анкерсмит 2003: 336]. При этом он обращает внимание на следующее обстоятельство: «Для листьев характерно то, что они относительно свободно располагаются на дереве, и, когда наступают осень или зима, они уносятся ветром» [Анкерсмит 2003: 336]. И вывод: «Все, что остается теперь западной историографии, так это собирать опавшие листья и изучать их независимо от их происхождения» [Анкерсмит 2003: 337]. К тому же, добавляет он, мы поняли, что «европейское» дерево есть лишь часть леса.

Ф. Анкерсмит подчеркивает, что «постмодернизм есть радикализация историзма, и поэтому он не является ни весьма странным, ни весьма иррациональным или спорным, как полагает множество ученых. Фрагментация исторического мира; деталь, которая больше не рассматривается как выражение большего целого; номиналистическая тенденция в отношении онтологии репрезентации – все эти постмодернистские взгляды уже представлены до постмодернизма в историзме. Историзм стоит посередине между спекулятивной философией истории и постмодернизмом» [Анкерсмит 2003: 424].

Суть приведенных выше рассуждений и метафор можно резюмировать следующим образом. Во-первых, мы можем воспринимать мир (исторический процесс) лишь фрагментарно. Во-вторых, фрагменты, «осколки» можно соединять между собой каким угодно образом. В-третьих, все временные пласты уравниваются, все эпохи (стадии) рассматриваются как равноценные и равнозначимые. В-четвертых, поскольку движения (развития) нет, то история предстает как механическая сумма различных эпох (стадий). Такой подход освобождает от необходимости объяснять, почему произошел переход от одной эпохи к другой, чем новая эпоха превосходит предшествующую, и т.п.

Постисторической фактор в современной исторической науке

Теперь посмотрим, можем ли мы считать присутствующими в современной исторической науке охарактеризованные выше взгляды? Если мы будем объективными, мы вынуждены будем дать утвердительный ответ. Покажем это на примерах.

(1) Независимо от того, как мы относимся к основным положениям парадигмы «конца истории», мы вынуждены признать, что многие историки уже давно разорвали линейную структуру времени «прошлое – настоящее – будущее». В западном историописании на эту структуру исторического времени ориентировались с эпохи Просвещения до начала прошлого столетия. Иными словами, до этого времени историки своими трудами старались подтвердить истинность линейной парадигмы. Однако бурные дискуссии об особенностях исторической науки, развернувшиеся на рубеже XIX-XX вв., «Закат Европы» О. Шпенглера и другие работы наглядно показали начало кризиса линейной парадигмы истории и исторической науки в целом.

Здесь необходимо сделать следующую оговорку. Т. Кун прав в том отношении, что на этапе «нормальной» науки подавляющее большинство исследований только *подтверждают* истинность господствующей парадигмы, но не *развивают* ее. Поэтому большинство ученых могут даже и не заметить начало кризиса парадигмы, хотя многие из них в своих работах непреднамеренно начинают подрывать ее [Кун 1977]. К этому следует добавить, что борьба с марксистским историописанием в значительной мере стимулировала следование большинства западных историков линейной парадигме.

Последним бастионом линейной парадигмы было советское марксистское историописание. Однако и его эрозия была видна невооруженным взглядом уже во второй половине прошлого столетия. Нараставший кризис социалистического (коммунистического) строительства разрушал представления о будущем, вследствие чего и здесь, по сути, историки постепенно отходили от линейной структуры времени. В этом плане вполне можно согласиться с М. Бойцовым, который пишет: «Официальный марксизм на десятилетия избавил отечественную историческую науку от той мучительной рефлексии по поводу смысла собственной деятельности и тех дискуссий о природе исторического знания, что сильно смущали покой историков на Западе. (...) Можно сказать еще сильнее: мы стали в конце концов едва ли не единственной страной, в которой к концу XX в. все еще существует историческая наука» [Бойцов 1999]

Как бы мы ни относились сейчас к марксистской парадигме истории, именно она придавала целостный характер всей советской исторической науке. После крушения социализма перед российскими историками встал выбор: либо продолжать следовать марксистской парадигме, либо принять иную совокупность основоположений для своей исследовательской деятельности. Здесь, конечно же, речь не идет о том, что все историки должны разделять одну и ту же парадигму; судьба советского обществознания как раз убеждает, что такое единодушие губительно для науки. Вопрос в другом: почему большинство историков внятно, открыто не говорят о том, на основе какой парадигмы они проводят свои исследования?

Складывается впечатление, что многие историки, вместо того, чтобы пойти вперед, просто вернулись назад. Это отмечено в оценках российских историков, анализирующих кризис отечественной историографии 1990-х годов.

А.И. Филюшкин писал о парадоксальности ситуации в отечественной историографии, когда отказ от марксизма как основополагающей методологии, вместо того чтобы вывести русскую историческую мысль на новый виток развития, отбросил ее назад: «Вместо усвоения известных в мировой науке методик исторического познания отечественная наука почему-то прочно утвердилась на позициях позитивизма начала XX в. (чем объясняется, кстати, и необычайная популярность, особенно в образовательной сфере, работ русских историков-классиков (С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова и др.), переизданных в последние годы огромными тиражами)» [Филюшкин 2000: 76]. В данной ситуации он допускал, что исторический постмодернизм может сыграть позитивную роль – роль раздражителя, который просто вынудит историков приступить к внедрению современных гуманитарных методологий и тем самым поможет преодолеть застой российской исторической мысли» [Филюшкин 2000: 76].

А некоторые историки прямо подчеркивают, что историческая наука не должна ориентироваться на будущее. К примеру, М.А. Бойцов, резко критикующий предсказательную функцию исторической науки, пишет: «Геродот из Галикарнаса не собирался на основании "собранных и записанных им сведений" строить догадки о том, как будут в грядущем складываться, скажем, отношения между эллинами и варварами. Отцу истории не могло, наверное, и в голову прийти, что едва ли не главным профессиональным заклинанием грядущих продолжателей его стараний будет формула о том, что история призвана "в конечном счете"... предсказывать будущее» [Бойцов 1999].

(2) Фрагментация действительности, о которой говорит постмодернизм, давно проникла в историческую науку. Историки уже давно отошли от универсальных историй (макро-истории), и перешли к микро-истории. Указывая, что микроистория «с присущей ей зоркостью, но в то же время и узостью профессионального взгляда, не может заполнить все огромное поле исторических исследований», А.П. Медведев считает, что «главная опасность ухода в «микроистории» состоит все же не в том, что раньше у нас называли мелкотемьем. Мы на новейшем российском опыте только что получили горький урок – недостаточное внимание к «макроистории» сразу порождает феномен Фоменко. Именно он и его активные последователи почти заполнили тот домен, который по праву должны держать (но не держат!) профессиональные историки. Это другая сторона явления, имя которому тоже постмодернизм. Этот урок еще раз показал нам, что нельзя изучать только отдельные, пусть и важные части живого тела истории... Кто-то должен пытаться собрать их в единое целое, иначе мы за отдельными деревьями никогда не увидим леса» [Медведев 2007: 49].

Но вряд ли можно в полной мере принять его оптимистичное суждение: «О том, что «Большой нарратив» не умер как жанр историописания, свидетельствуют широкомасштабные проекты многотомных универсальных и национальных историй как в нашей стране, так особенно и за рубежом» [Медведев 2007: 49]. С одной стороны, очень хорошо, что далеко не все историки поддались «моде» и отказались от «классического» историописания.

Но, с другой стороны, автор не говорит, а предлагаются ли в упомянутых проектах новые, более «совершенные» концепции истории или, если хотите, философии истории, метаистории, и в чем они заключаются.

Конечно, наших историков можно понять. Многие проблемы, долгое время находившиеся под идеологическим запретом, стало возможным изучать. В этом смысле определенные смещения акцентов в исследовательских интересах историков оправданны. Но, к сожалению, редко кто из них пытается обобщить новые данные, хотя бы сформулировать некоторые представления о предпочтительных направлениях развития исторической науки [Боров 2005].

(3) Одним из наиболее ярких проявлений взаимного наложения сомнений в линейной парадигме и фрагментации исторического процесса является фокусирование внимания на самобытности. Мы видим, что на общероссийском уровне речь опять пошла о самобытности России, а на региональном уровне появляются идеи самобытной кавказской и даже северо-кавказской цивилизации [Кочесоков 2017: 14; Кочесоков 2018: 27-28].

Здесь необходимо оговорить, что выявление особенностей того или общества (цивилизации) не только не противоречит требованиям научных изысканий, но, можно даже сказать, предусматривается ими. Речь идет о том, почему изучение особенного выходит на первый план. Постмодернизм утверждает, что прежняя философия была философией тождества, т.е. на первом месте находилось общее, универсальное, повторяющееся, а постмодернизм – это философия различия, для которой важнее особенное, отличительное.

Конечно, решить проблему соотношения общего и особенного чрезвычайно трудно. Прежде всего это касается исторической науки, которая всегда имела дело с особенным, индивидуальным, уникальным. Постмодернизм противопоставляет общее и особенное, и сознательно делает выбор в пользу особенного. По сути, историки поступают точно так же, когда выдвигают на первый план особенности того или иного общества. Но разница в том, что постмодернизм открыто отказывается от *научного* подхода, а историки считают, что продолжают писать в рамках науки. Когда особенное рассматривается через призму общего (универсального), мы получаем научное, объективное представление об объекте. Но когда особенное рассматривается в отрыве от общего (универсального), мы теряем критерии оценки, познания самого особенного.

В этом плане правы Р. Ханаху и О. Цветков, которые обращают внимание на то обстоятельство, что возникает «новая региональная мифология», которая во многом родственна провозглашенной постмодернизмом «радикальной плюральности» [Ханаху и Цветков 2008]. По их мнению, «региональный миф является своего рода «постисторией» [Ханаху и Цветков 2008]. При этом они замечают, что между постмодернистским и мифологическим прочтениями истории есть существенные различия. В частности, говорят они, если для постмодернистов важнейшим основанием для введения концепта «постистория» выступает презумпция «конца истории» (Ф. Фукуяма), то для неомифологов таковой выступает сведенность истории к ее одному отрезку –

периоду традиционного общества: «Этот период сакрализуется, а классические спекуляции рационального типа откровенно игнорируются. Иными словами, если постмодернисты в ситуации «постистории» занимаются постоянным «переоткрытием» и «переписыванием времени», разворачивая линейный вектор истории и ломая его, то неомифологии занимаются постоянным переоткрытием и переписыванием другого времени, которое в классической традиции принято называть «традиционным» [Ханаху и Цветков 2008].

(4) Постмодернизм легитимирует обоснованность рассмотрения исторического процесса как некоторого механического набора исторических эпох. Но собственно историческая наука появилась лишь тогда, когда историки начали предпринимать попытки связать различные временные пласты (эпохи), объяснять причина и механизмы перехода от одной эпохи к другой. Такой подход делал историческую науку критической, т.е. пытающейся не просто описать *прошлое*, но и *объяснить* его. Сейчас немало историков отказались от такого подхода, и вновь занялись описанием. А поскольку критический дух из такого рода исследований уходит, постольку они превращаются в ненаучные, а зачастую – в просто апологетические и псевдонаучные.

Таким образом, выводы приверженцев постистории не так уж и далеки от реальности. Теперь рассмотрим, почему же эти положения и подходы подспудно проникли в историческую науку.

Причины проникновения постистории в историческую науку

Конечно, сложившееся обстоятельство порождено множеством факторов, которые невозможно охватить в одной статье. Поэтому я остановлюсь только на некоторых. Выявление этих причин поможет в какой-то мере найти выход из сложившегося тупика.

(1) Одной из важнейших причин, на мой взгляд, является несколько прямолинейное противопоставление научного знания другим разновидностям знания, на что обращали внимание многие философы.

Наиболее последовательно это обстоятельство критиковал П. Фейерабенд. Нельзя не согласиться с ним в том, что «имеется много способов бытия-в-мире, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки, и что все они нужны для того, чтобы сделать нас людьми в полном смысле слова и решить проблемы нашего совместного существования в этом мире» [Фейерабенд 1986: 139]. Не вызывает возражений следующая его мысль: «Если мы действительно хотим понять природу, если мы хотим преобразовать окружающий нас физический мир, мы должны использовать *все* идеи, *все* методы, а не только небольшую избранную их часть» [Фейерабенд 1986: 463]. Это обосновывается тем, что «мир, который мы хотим исследовать, представляет собой в значительной степени неизвестную сущность», и «мы должны держать свои глаза открытыми и не ограничивать себя заранее» [Фейерабенд 1986: 150]. Вместе с тем никак нельзя согласиться с его положением о том, что «у науки нет особого метода», и, следовательно,

«разделение науки и не науки не только искусственно, но и вредно для развития познания» [Фейерабенд 1986: 463].

Противопоставление различных видов познавательной деятельности, действительно, неправомерно. Но из этого вовсе не вытекает, что они ничем не различаются. Можно сказать, что различные виды познавательной деятельности необходимы человеку для решения различного типа проблем. Но считать, что отказ от науки приведет к более глубоким знаниям, явно несостоятельно. Характеризуя подобные воззрения, Х.-Г. Гадамер дал им довольно точную оценку: «Вера в совершенствование разума превращается в веру в совершенство "мифического" сознания и рефлектирует себя в некое райское пра-состояние, предшествующее грехопадению мысли. В действительности положение о таинственной тьме, в которой таится мифическое коллективное сознание, предшествующее всякому мышлению, столь же догматически абстрактно, как и положение о достигшем совершенного состояния просвещении или об абсолютном знании. Пра-мудрость равняется «пра-глупости» [Гадамер 1988: 326].

Натолкнувшись на многие трудноразрешимые проблемы познания истории некоторые историки, например, Х. Уайт, предлагают не считать историю наукой [Доманска 2010: 38]. А М. Бойцов выражается еще резче: «Тот конкретный, весьма специфический вид исторического знания, который принято называть исторической наукой и который преобладал в Европе в XIX в., уже не переживает кризис — он давно умер, и на чудесное его воскрешение рассчитывать всерьез, увы, вряд ли приходится» [Бойцов 1999]. На мой взгляд, это совершенно неверное положение. Историческая наука не может узурпировать (монополизировать) право на знания о прошлом. Но справедливо и обратное – никто не может лишать историческую науку права на стремление, попытку получить, добыть *особого* вида знания о прошлом.

Историческая наука не только возможна, но она обязательно должна быть. Человек стремится улучшить условия своей жизнедеятельности, своего бытия. Он не хочет ограничиться тем, что есть, и не может плыть по течению. Наука как раз и порождается стремлением понять свое бытие, условия своей жизнедеятельности.

Историки не должны комплексовать по поводу того, что некоторые их выводы и даже теории оказались не совсем верными или даже совсем неверными. Вопрос должен ставиться иначе: а степень истинности других видов познавательной деятельности выше, чем в научном познании? Ответ представляется очевидным или почти очевидным.

(2) Вторая причина, на мой взгляд, состоит в негативных следствиях специализации и дифференциации наук. Все науки на данном историческом этапе опираются на общую парадигму (научную картину мира). В процессе развития науки (т.е. парадигмы) различные научные дисциплины все больше отходят друг от друга. Это закономерно, и суть условие развития науки. Однако если дифференциация трансформируется в противопоставление, тогда кризис науки (парадигмы) неизбежен. Классическим примером, на мой взгляд,

является противопоставление макро-истории и микро-истории в исторической науке.

Как уже говорилось выше, постмодернизм утверждает, что эпоха метанарративов (макро-истории) уходит, наступает эпоха простых рассказов (микро-истории). Многие профессиональные историки, отвергающие постмодернизм, в действительности тоже убеждены, что эпоха макро-истории уже уходит.

Модернистская история обязана своим существованием возникновению *философии истории* в целом, и *линейной философии истории* в частности. Именно линейная философия истории формирует мировоззренческую установку на историю как некий закономерно протекающий процесс. Несмотря на множество методологических недостатков, благодаря такому мировоззрению удалось определенным образом упорядочить исторический процесс, увидеть некоторую направленность в его протекании. Первоначально модернистская историческая наука являлась всего лишь собиранием эмпирических доказательств. Историки, представители этого поколения, прекрасно знали и принимали эти мировоззренческие установки философии истории. Но по мере развития исторической науки историки стали все больше отдаляться от этих установок. Большинство историков традиционно соблюдали эти установки, хотя и не всегда «сознательно». Но накопление эмпирического материала не приводило к необходимой «корректировке» существующей философии истории. Порождаемые накапливаемым эмпирическим материалом философские вопросы историки рассматривали как выходящие за рамки их научной специальности.

Тем не менее, на рубеже XIX-XX вв. развернулись бурные дискуссии относительно особенностей исторического познания, существования законов исторического развития, и т.п. Но и эти дискуссии привели не к развитию, углублению философских оснований исторического познания, а к большему отдалению историков от этих проблем. Поэтому в XX в. большинство историков писали свои труды, не особенно оглядываясь на философские проблемы исторического познания. Исключение составляли разве что историки-марксисты. Но они впали в другую крайность, опираясь на догматизированный марксизм, что также не способствовало развитию философских оснований исторического познания. Логическим завершением этого процесса стало возникновение в исторической науке такого направления, как *микро-история*.

Здесь необходимо пояснить, что именно понимается под микро-историей. Если под микро-историей понимается стремление тщательно и детально изучить определенные, узкие проблемы истории, то она не только правомерна в научном плане, но и, действительно, порождается логическим развитием исторической науки. Ведь углубление исторического знания подразумевает, в том числе, и более тщательную проработку «деталей». В этом смысле микро-история вписывается в макро-историю. Однако если под микро-историей подразумевается стремление «освободиться» от всяких макро-исторических «оков», то она практически ничего не дает для развития исторического знания.

Знание частных, не позволяющее углублять знание об общем, нельзя назвать, по крайней мере, научным.

Так или иначе, между постмодернистским положением о фрагментации мира и сознания и исторической концепцией «микро-истории» никакой принципиальной разницы нет. Разве что в том, что постмодернизм сознательно разрушает исторические мета-нарративы, а концепция микро-истории делает то же самое, думая, что развивает историческое знание.

Никак нельзя согласиться с тем, что эпоха мета-нарративов уходит в прошлое. Здесь можно было бы вкратце ограничиться уже давно сформулированным замечанием, что постмодернизм отрицает мета-нарративы, а сам создает новый мета-нарратив [Strinati 2004: 229]. Однако здесь есть несколько важных методологических проблем, которые никак нельзя обойти.

Прежде всего, сама постановка альтернативы – либо мета-нарратив (мета-рассказ, макро-история), либо нарратив (рассказ, микро-история) – является логически неверной. Выражаясь языком диалектики, можно сказать, что нарратив (микро-история) и мета-нарратив (макро-история) различаются только по количественным параметрам, а не по качественным. Что имеется в виду? Любой нарратив есть претензия на *осмысление* пересказываемого. Никакого «простого» повествования не бывает, и не может быть. Как безусловное принимается предпосылка, что нарратив несравненно точнее и истиннее, чем мета-нарратив. Против первого (что нарратив точнее) трудно возразить. Но вот второе (что нарратив истиннее) совершенно неверно. Ведь даже самый маленький нарратив имеет очень сложную структуру, связывает воедино (синтезирует) множество единичных фактов. Почему мы должны быть уверены, что синтез на уровне нарратива осуществляется правильно, а на уровне мета-нарратива – неправильно?

Для иллюстрации приведем пример. Предположим, что историк взялся написать микро-историю на тему «один день из истории деревни N». Историк сразу же сталкивается с множеством теоретико-методологических вопросов. Какие аспекты жизнедеятельности деревни должны быть изучены – экономические, демографические, религиозные, культурные, и т.п.? В каком порядке они должны быть изучены? Следует ли пытаться выявить взаимосвязи между ними? Надо ли ставить вопросы о том, какими они были раньше? Надо изучать социальные институты, или же их функции? Можно поставить бесчисленное множество подобных вопросов. Все они требуют теоретического решения. Следовательно, любому описанию предшествует (или, как минимум, оно сопровождается) создание теоретических схем. То же самое можно сказать относительно выводов. Автор нарратива может сознательно уклоняться от выводов, но они вытекают из его нарратива помимо его (автора) воли. Например, любое повествование о культурных традициях позволяет сделать определенные выводы относительно характера экономических отношений, их эффективности или неэффективности, относительно перспектив развития, и т.п.

Отказ от макро-истории, по сути, означает отказ от парадигмы истории. Вообще-то ничего особенного в этом нет, если прежняя парадигма заменяется на новую. Но когда отказываются от прежней парадигмы, но при этом и не

принимают новую, то это совершенно неприемлемая для науки ситуация. М. Бойцов по этому поводу пишет: «Удивительно, но и весьма показательно, что катаклизм 90-х годов, как-то неадекватно слабо сказался на научном сообществе историков и том, как оно осознает и этот катаклизм, и свою роль в нем, да и вообще содержание собственных профессиональных занятий» [Бойцов 1999].

Отказ от макро-истории есть проявление неверно понятой самостоятельности исторической науки. Следует констатировать, что большинство узких специалистов ревниво относятся к своим научным дисциплинам, постоянно подчеркивая их самостоятельность. Однако все науки (научные дисциплины) могут существовать только в рамках единой целостной науки как системы знаний.

Относительно исторической науки сказанное означает, что многие историки не считают касающимся их науки решение философских проблем исторической науки. Они обижаются, когда слышат, что исторические знания нужны для построения общесоциологических теорий. Ничего оскорбительного для исторической науки в таком тезисе нет. Нет ни первых, ни второстепенных, ни «вспомогательных» наук. Диалектика такова, что в одном случае одна дисциплина выступает как главная, а другие – как вспомогательные, а в другом случае они меняются местами. К примеру, хотя говорят, что историческая наука должна выводить законы истории, на самом деле это функция общей социологии или философии истории. В этом смысле история – вспомогательная дисциплина, а общая социология или философия – ведущие. Но ведь любые социологические теории несостоятельны без опоры на исторические факты. В своей познавательной деятельности историк опирается на конструкции, созданные философами и социологами, в этом случае уже социология и философия выступают как вспомогательные дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

Анкерсмит 2003 – Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.

Бодрийяр 2000 – Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург. 2000 // Электронная библиотека по философии – <http://filosof.historic.ru>. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000324/index.shtml> (дата обращения: 21.02.2018)

Бодрийяр 1998 – Бодрийяр Ж. В тени тысячелетия, или Приостановка года 2000 // Электронная библиотека по философии – <http://filosof.historic.ru>. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml> (дата обращения: 21.02.2018)

Бойцов 1999 – Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – С. 17-41. URL: www.hist.msu.ru/Science/DISCUS/herodot.htm (дата обращения: 21.02.2018)

Боров 2005 – Боров А.Х. К обновленной концепции национальной истории: историографические итоги и перспективы // Исторический вестник. – Нальчик: «Эль-Фа», 2005. – Выпуск 1. – С. 3-29.

Гадамер 1988 – Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

- Делез, Гваттари 2010 – Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург – Москва, 2010. – 969 с.
- Доманска 2010 – Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.
- Кочесоков 2017 – Кочесоков Р.Х. Об особенностях современной реинтеграции Северного Кавказа в российское социальное пространство // Кавказология. – 2017. – № 2. – С. 12-20. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-12-20>
- Кочесоков 2018 – Кочесоков Р.Х. Постисторический фактор в современных социальных процессах. – Нальчик: Binding2016, 2018. – 131 с.
- Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
- Лиотар 1994 – Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» // После времени; французские философы постсовременности // Иностранная литература. – 1994. – № 1. – С. 54-66 // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (дата обращения: 21.02.2018)
- Медведев 2007 – Медведев А.П. «Постмодернистский вызов истории»: ответ археолога // Вестник ВГУ. Серия: История. Социология. Политология. – 2007. – № 1. – С. 41-51.
- Фейерабенд 1986 – Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 543 с.
- Филюшкин 2000 – Филюшкин А.И. «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. Философско-культурологический журнал. – 2000. – № 3. – С. 67-78.
- Фукуяма 1990 – Фукуяма Ф. Конец истории? // США: экономика, политика, история. – 1990. – № 5. – С. 39-54.
- Ханаху и Цветков 2008 – Ханаху Р.А., Цветков О.М. Неомифология как предтеча российского постмодернизма // Сайт www.congress2008.dialog21.ru – материалы XXII Всемирного философского конгресса в Сеуле. URL: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/21710.htm> (дата обращения: 21.02.2018)
- Strinati 2004 – Strinati D. An Introduction to Theories of Popular Culture. – London – New York: Routledge, 2004. – 304 p.

REFERENCES

- ANKERSMIT F.R. *Istoriya i tropologiya: vzlyot I padeniye metafory*. [History and Tropology: the Rise and Fall of Metaphor] – М.: Progress-Traditsiya, 2003. – 496 p. (In Russian)
- BAUDRILLARD J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the Shadow of the Silent Majorities or the End of the Social] – Ekaterinburg, 2000. IN: Electronic library on philosophy – <http://filosof.historic.ru>. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000324/index.shtml> (date of access: 21.02.2018) (In Russian).
- BAUDRILLARD J. *V teni tysyacheletiya, ili Priostanovka goda 2000* [In the Shadow of Millenium, or Suspension of the Year 2000]. IN: Electronic library on philosophy – <http://filosof.historic.ru>. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml> (date of access: 21.02.2018) (In Russian).
- BOROV A.Kh. *K obnovlennoy kontseptsii natsional'noy istorii: istoriograficheskie itogi I perspektivy* [To the Updated Concept National History: Historiographic Results and Perspectives]. IN: Istoricheskii vestnik. – Nalchic: El-Fa, 2005. – Issue 1. – P. 3-29. (In Russian)
- BOYTSOV M.A. *Vperyod, k Gerodotu*. [Forward to Herodotus]. IN: *Kazus. Individual'noe I unikal'noe v istorii*. – М.: Izd-vo RGGU, 1999. – P. 17-41. URL: www.hist.msu.ru/Science/DISCUS/herodot.htm (date of access: 21.02.2018) (In Russian).
- DELEUZE J., GUATTARI F. *Tysyacha plato. Kapitalizm I shizofreniya* [A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia]. – Ekaterinburg – Moscow, 2010. – 969 p. (In Russian)

DOMANSKA E. *Filosofia istorii posle postmedernizma* [Philosophy of History after Postmodernism]. – Moscow: Kanon+ROOI “Reabilitatsiya”, 2010. – 400 p. (In Russian)

FEUERABEND P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on Methodology of Science]. – Moscow: Progress, 1986. – 543 p. (In Russian)

FILYUSHKIN A.I. “*Postmodernistskii vyzov*” I ego vliyaniye na sovremennuyu teoriyu istoricheskoi nauki [“Post-modernist Challenge” and Its Impact on Contemporary Theory of Historical Science]. IN: Topos. Filosofsko-kul'turologicheskii zhurnal. – 2000. – No. 3. – P. 67-78. (In Russian)

FUKUYAMA F. *Konets istorii?* [The End of History?]. IN: SShA: ekonomika, politika, istoriya. – 1990. – No. 5. – P. 39-54.

GADAMER H.-G. *Istina I metod: osnovy filosofskoi germeneytiki* [Truth and Methods: the Basis of Philosophical Hermeneutics]. – M.: Progress, 1988. – 704 p. (In Russian)

KHANAKHU R.A., TSVETKOV O.M. *Neomifologiya kak predtecha rossiiskogo postmodernizma* [Neomifology as a Forerunner of Russian Postmodernism] // Site www.congress2008.dialog21.ru – materials of the XXII World Philosophical Congress in Seoul. URL: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/21710.htm> (date of access: 21.02.2018) (In Russian)

KOCHESOKOV R.Kh. *Ob osobennostyah sovremennoy reintegratii Severnogo Kavkaza v rossiyskoe sotsial'noe prostranstvo* [On the features of modern reintegration of Northern Caucasus into the Russian social space]. IN: Kavkazologiya. – 2017. – No. 2. – P. 12-20. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-12-20> (In Russian)

KOCHESOKOV R.Kh. *Postistoricheskii factor v sovremennyh sotsial'nyh protsesah* [Post-historical factor in Contemporary Social Processes]. – Nalchik: Binding2016, 2018. – 131 p.

KUHN Th. *Struktura nauchnyh revolutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. – Moscow: Progress, 1977. – 300 p. (In Russian)

LYOTARD J.-F. *Zametka o smyslah «post»* [History and tropology: the rising and falling] IN: Posle vremeni: frantsuzskie filosofy postsovremennosti [After the time: French philosophers of postmodernity]. IN: Inostrannaya literatura. – 1994. – No. 1. – P. 54-66 // Lib.Ru: Maxim Moshkov's Library. URL: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (date of access: 21.02.2018) (In Russian).

MEDVEDEV A.P. «*Postmodernistskii vyzov istorii*»: otvet arheologa [«Post-modernist Challenge to History»: the Answer of Archaeologist]. IN: Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Sotsiologiya. Politologiya. – 2007. – No. 1. – P. 41-51. (In Russian)

STRINATI D. *An Introduction to Theories of Popular Culture*. – London – New York: Routledge, 2004. – 304 p.